

НЕ СРАЗУ СТАНОВИТСЯ ПОНЯТНО, ЧТО ВСЕ ЧЛЕНЫ ЭТОГО НЕСЧАСТНОГО СЕМЕЙСТВА ЛЮБЯТ ДРУГ ДРУГА КАК НАМАГНИЧЕННЫЕ И ЖИТЬ ДРУГ БЕЗ ДРУГА НЕ МОГУТ БУКВАЛЬНО

рия вместо событийно не связанных глав книги), и стилистически.

Проблема отношений экранизации с оригиналом существует испокон века, на ее счет у киноведов сложилась масса теорий. Традиционно текст, первоисточник считался высшей ценностью, а фильм — лишь интерпретацией, подчиненным материалом. И раз превосходство текста признавалось априори, качество экранизации оценивалось по близости к оригиналу. Хотя очевидно, что полная идентичность невозможна по определению. Вдобавок фактически они автономны и самодостаточны. А с воображением работают противоположным образом: текст его включает, читатель представляет себе описанное — фильм, напротив, выключает, формируя единственный и неоспоримый

образ. Который и становится обычно камнем преткновения. Здесь nämlich все та же старая история: фильму Снежкина довольно легко предъявить упрек в несоответствии повести Санаева. Но здесь неплохо бы вспомнить слова великого кинокритика Андре Базена, сказанные им добрых 40 лет назад: «Здесь нет ни конкуренции, ни подмены. Бессмысленно возмущаться „деградацией“, которой подвергаются на экране литературные произведения; во всяком случае, нелепо возмущаться от имени литературы. Сколь бы ни были приблизительными экранизации, они не могут повредить оригиналу в глазах читателя, хорошо его знающего и ценящего». А достоинства фильма, в свою очередь, пусть говорят сами за себя.

В прокате с 3 декабря

«ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ» ПАВЛА САНАЕВА читал Григорий Дашевский

ГЛАВНАЯ ЗАГАДКА повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» — повести о том, как маленького мальчика воспитывала страшная, смешная, любящая и нелюбимая бабушка, а потом его отняла у нее любимая мать, — это ее непрерывный, многолетний уже успех. В 1996 году, когда она впервые была напечатана в журнале «Октябрь», она особого шума не вызвала, но с 2003 года, когда она вышла отдельной книгой, она непрерывно переиздается и не покидает верхние позиции в рейтинге продаж. Причем узнавали об этой книге люди не от критиков и не из рекламы, а друг от друга. Горизонтальный способ рекомендаций от читателя к читателю, который руководил чтением в СССР и после 1991 года практически исчез, именно для этой книги вдруг возродился. А для того, чтобы дать такой совет, нужно ведь не только чтобы книга понравилась тебе самому — нужно еще знать, что со своим советом не попадешь впросак. Так вот от повести Санаева у людей было впечатление не просто сильное, а такое, которое внушало уверенность, что его разделит другое, что эта книга о том, что нас втайне объединяет.

Сразу надо исключить одну причину: ясно, что дело здесь не в том, что за персонажами повести стоят легко узнаваемые знаменитые прототипы — Всеволод Санаев, Елена Санаева, Ролан Быков. Никакого желтого интереса к секретам знаменитостей тут нет. Дело в чем-то другом.

Многие узнают здесь собственное детство: «С ужасом и гомерическим хохотом узнавал свое детство» или «Я читал эту книгу навзрыд. Это в точности мое детство». Но вряд ли все поклонники этой книги действительно имели таких же бабушек. Вопрос в другом: почему, какое бы детство у нас ни было, нам сейчас, то есть уже взрослым, нравится отождествлять себя с маленьким рассказчиком, томящимся в неволе чужой безумной любви?

Ругань, проклятия и угрозы Нины Антоновны, ее бесконечные «сволочь», «тварь», «мразь», ее «Будь ты проклят небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом!», и ее перепады от проклятий к нежности, от нежности к угрозам, и ее «любовь до обморока», ее «Он скажет „бабонька“, у меня внутри так и оборвется что-то слезой горячей радостной» — понятно, что такой образ того, кто держит тебя в плену, кто внушает, что ты слаб, беспомощен и на воле не выживешь, кто не пускает к настоящей жизни и счастью, понятно, что этот образ отвечает особому типу жалости к себе, когда мы жалуемся не на то, что нас не любят, а на то, что нам любовью не дают жить, и значит, ради собственного выживания мы имеем право своим уходом убить тех, кто держит нас в плену, то есть тех, кто нас любит.

Но при этом мы читаем бабушкины проклятия и ругань с тем удовольствием, с каким слышим обычно тщательно скрываемую и вдруг произнесенную вслух правду. То есть, судя по нашей собственной реакции, в глубине души мы верим в ее правоту — верим, что мы ничтожны, немощны, нежизнеспособны и что эта безумная любовь не держит нас в плену, но действительно спасает от мгновенной гибели на непосильной нам воле. Вот это одновременное сознание, что ради воли можно убить другого и что на воле мы погибнем, сознание, позволяющее нам и уйти и остаться, наверное, и сообщает книге ее особое обаяние.